

УДК 398.22(=512.157)

DOI 10.25587/SVFU.2018.12.22332

В. С. Данилова, Н. Н. Кожевников

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ИМЁН В ОЛОНХО

Аннотация. Рассматриваются концепции «философии имени», разработанные, прежде всего, в русской философии в начале XX столетия. Основной проблемой здесь являлось, принадлежит ли имя бытию и как оно связано с духовной сущностью человека. А. Ф. Лосев отождествлял имя и его сущность, а С. Н. Булгаков считал, что имя является связью между космосом и словом, однако осуществляться она может только через человека. В качестве методологии исследования использовано ядро подхода А. Ф. Лосева.

Из шестидесяти семи уровней исследования имени в мифе, фольклоре и эпосе у А. Ф. Лосева выделено семь главных. «Фонема» – имя прежде всего звук. «Семема» – сфера слова, обладающая характером значения. «Этимологический» – момент «корня» слова. «Синтагма слова», подчеркивающая, что слово в тексте всегда связано с другими словами. «Пойема слова» характеризует варьированность смысла слов «в зависимости от способа расположения их в предложении, от стихотворного размера (и его видов), рифмы и прочих внешних приёмов, употребляемых с целями выразительности». «Меон» – «иное» полагания, «иное» смысла, необходимый иррациональный момент в самой рациональности сущего. «Энергема» имени – сущность «так-то и так-то определённой или сущности в модусе определённого осмысления, в модусе явленной, выраженной сущности».

В статье в качестве источникового материала использован текст олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» П. А. Ойунского, воссозданного на основе народных сказаний. Исследования философии имени в олонхо позволяют утверждать, что имя имеет глубокий онтологический смысл, тесно связано с сущностью героя, персонажа и их бытием. Полное имя богатыря или его коня содержат достаточно целостные их сущностные характеристики. Приведены яркие примеры, связывающие в единую систему имена божеств Верхнего мира, прародителей Среднего мира и их духов-защитников. Эти ряды и системы имён формируют устойчивые инварианты олонхо, обеспечивают его фундаментальную идентификацию.

В целом совокупность имён олонхо обеспечивает представление о бытии определённой эпохи, его социальных и гуманитарных характеристиках.

Ключевые слова: эпос, сущность, онтология, бытие, космос, эйдос, человек, смысл, знак, анализ, герой.

V. S. Danilova, N. N. Kozhevnikov

The semantic meaning of names in olonkho

Abstract. Concepts of the “philosophy of the name” developed primarily in Russian philosophy at the beginning of the XX century are considered. The main problem here was whether the name belongs to being and how it relates to the spiritual essence of man. A. F. Losev identified the name and its essence, S. N. Bulgakov

ДАНИЛОВА Вера Софроновна – д. филос. н., проф., кафедра философии Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова, Якутск, Россия.

DANILOVA Vera Sofronovna – Doctor of Philosophical Sciences, Prof., Chair of Philosophy, North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia.

КОЖЕВНИКОВ Николай Николаевич – д. филос. н., проф., кафедра философии Северо-Восточного федерального университета, Якутск, Россия.

E-mail: nikkozkh@gmail.com

KOZHEVNIKOV Nikolay Nikolaevich – Doctor of Philosophical Sciences, Prof., Chair of Philosophy, North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia.

E-mail: nikkozkh@gmail.com

believed that the name is a link between the cosmos and the word; however, it can be realized only through man. As a research methodology, the core of the A. F. Losev approach was used.

Of the sixty-seven levels of the study of the name in the myth, folklore and epic by A. F. Losev has seven main ones. "Phoneme" is a name, first of all, a sound. "Semema" is the sphere of "words with the character of meaning". "Etymological" – the moment of the "root" of the word. "The syntagma of the word", emphasizing that the word in the text is always associated with other words. "Poema of the word" characterizes the variability of the meaning of the words "depending on the way they are located in the sentence, on the poetic size (and its types), rhyme and other external devices used for expressiveness purposes". "Meon" is a "different" position, a "different" meaning, a necessary irrational moment in the very rationality of the being. "The energy of the name is the essence of "such and such or certain or essence in the mode of definite comprehension, in the mode of the manifest, expressed essence".

Studies of the philosophy of the name in olonkho suggest that the name has a deep ontological meaning; it is closely connected with the essence of the hero, character and their being. So the full name of the hero or his horse contains fairly complete their essential characteristics. Vivid examples of the names of the deities of the upper world, the ancestors of the Middle World and their defenders-spirits are connected into a single system. These series and name's systems form stable olonkho invariants, providing its fundamental identification.

In general, the set of olonkho names provides an idea of being of a certain epoch, its social and humanitarian characteristics.

Keywords: epic, essence, ontology, being, cosmos, eidos, man, meaning, sign, analysis, hero.

Введение

В олонхо *имена* называют сами себя, выражая самую сущность явления. Эта проблема разработана в феноменологии и в «философии имени»; она широко обсуждалась российскими философами в первые два десятилетия XX столетия, прежде всего, П. А. Флоренским, С. Н. Булгаковым, А. Ф. Loseвым. В этой философской концепции «речь идёт о магическом характере имён, как Бога, так и человека, народа. В ней анализируется связь между именем человека и событиями его жизни, его духовной сущностью, укоренённость имён человеческих в народных святынях» [1, с. 185].

А. Ф. Loseв писал «...только в слове мы общаемся с людьми и природой... только в имени обоснована вся глубочайшая природа социальности во всех бесконечных формах её проявления... Человек для которого нет имени, для которого имя только простой звук, а не сами предметы в их смысловой явленности, этот человек глух и нем, и живет он в глухонемой действительности. Если слово не действенно и имя не реально, но есть фактор самой действительности, наконец, не есть сама социальная (в широчайшем смысле этого понятия) действительность, тогда существует только тьма и безумие, и копошатся в этой тьме только такие же темные и безумные, глухонемые чудовища» [2, с. 84].

С. Н. Булгаков отмечал, что «...слово космично в своем естестве, ибо принадлежит не сознанию только, где оно вспыхивает, но и бытию, где человек есть мировая арена, микрокосм, ибо в нем и через него звучит мир... Наречия различны и множественны, но язык один, слово едино, и его говорит мир, но не человек, говорит мирочеловек» [3, с. 24]. Имя является связью между космосом и словом, «имя есть самооткровение вещи, оно принадлежит вещи, а не говорящему. В этом смысле вещь сама себя называет... Однако именоваться человек может только через человека, в человеке, человеком. В человеке сокрыты имена всех вещей» [3, с. 68].

«В слове, и в особенности в имени, – всё наше культурное богатство, накапливаемое в течение веков; и не может быть никакой психологии мысли равно как и логики, феноменологии и онтологии, вне анализа слова и имени. В слове и имени – встреча всех возможных пластов бытия... В имени – средоточие всяких физиологических, психических, феноменологических, логических, диалектических, онтологических сфер. Здесь сгущена и нагнетена квинтэссенция как человеческо-разумного, так и всякого иного человеческого и нечеловеческого, разумного и неразумного бытия и жизни» [2, с. 97]. Что касается диалектики мифа, то она «может быть в целях простоты и однозначности сведена к диалектическому взаимоотношению Имени и Сущности» [4, с. 218].

«Как некая идеальная конкретность, имя не может быть определено, описано или рассказано – помощью перечисления отдельных признаков, отдельных черт. Порознь взятые, такие признаки – черты, как бы их не накапливать, не способны передать главного в имени – его структуры, строения его как целого, его как формы, – короче его самого. Имя постигается только через самого себя, *per se intelligitur*. Аналитически разорванное, оно утрачивает самую суть свою и остаётся, в конечном счёте, нагромождением психологических и прочих черт, более-менее свойственных всякой личности и вместе с тем в составе каждого имени – более-менее случайных» [5, с. 76].

Таким образом, будем опираться на эйдетическую концепцию языка, в которой, например, А. Ф. Лосев не противопоставляет «вещь», как чувственный объект внешнего мира и имеющее её слово. Он отождествляет имя и его сущность, подчёркивая, что «слово или имя есть смысл, или понимание, разумеемая сущность» [6, с. 742]. Согласно его теории языка, правильным понятием является не вещь (материальный предмет), а целостный образ – эйдос, который далее может быть представлен в виде некоторых структур сознания.

Кроме подхода, развитого в русской философии, можно отметить известную формулу эстетики Канта: «прекрасно то, что нравится независимо от смысла», а также связь фундаментальных имён с культурными взрывами. «Мир нарицательных имён тяготеет к процессам постепенного развития, что неразрывно связано с взаимозаменяемостью его элементов. Пространство собственных имён – пространство взрыва. Не случайно исторически взрывные эпохи выбрасывают на поверхность “великих людей”, то есть актуализируют мир собственных имён» [7, с. 119].

В статье в качестве источникового материала использован текст олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» П. А. Ойунского, воссозданного на основе народных сказаний, в русском переводе В. В. Державина [8].

Методология исследования

Из шестидесяти семи уровней исследования имени в мифе, фольклоре и эпосе у А. Ф. Лосева [2, с. 226–228] выделим семь главных, которых, по нашему мнению, достаточно для анализа имён, встречающихся в олонхо.

Уровень 1 «Фонема» – имя прежде всего звук, «однако сущность имени ничего общего не имеет со звуком» [2, с. 100]. Уровень 2 «Семема» – та сфера «слова, которая обладает характером значения». Уровень 3 «Этимологический», «вернее этимный момент, момент этимона, “корня”, как это обычно говорится, слова» [2, с. 102]. Уровень 4 «Синтагма слова», синтагматический слой в семеме, который подчёркивает, что слово в тексте всегда связано с другими словами и эта связанность имеет важное значение. Уровень 5 «Пойема слова» (от греч. «изделие, произведение искусства»), «пойематический слой в семеме» [2, с. 104]. Пойема характеризует варьированность смысла слов «в зависимости от способа расположения их в предложении, от стихотворного размера (и его видов), рифмы и пр. внешних приемов, употребляемых с целями выразительности» [2, с. 104]. Уровень 6 «Меон», под которым понимается «“иное” полагания, “иное” смысла». Меон есть необходимый иррациональный момент в самой рациональности сущего, и притом момент диалектически необходимый. Для того чтобы мыслить смысловое, «рациональное» оказывается необходимо примышлять тут же момент «иррационального», без которого самый смысл теряет определённую и очертание, т. е. обесмысливается» [2, с. 119]. Уровень 7 «Энергема имени», под которой будем понимать сущность «“так-то и так-то” определённой, или сущности в модусе определённого осмысления, в модусе явленной, выраженной сущности, или просто явленной, или выраженной, сущности. <...> как смысловая изваянность выражения» [2, с. 127].

Имя по А. Ф. Лосеву – это «тропа между субъектом и объектом, воспринимающим и воспринимаемым, познающим и познаваемым, место их встречи, их единения» [9, с. 55]. Отметим в качестве предварительного примера, что имена греческих богов гораздо более фундаментальные: как эйдетические образования и энергетические проявления, чем их римские заменители. «Арес» – бог войны, его нельзя сравнивать с гораздо более слабым римским наименованием – «Марс». Первое содержит больший запас энергии, готовый излиться на предмет вражды. Слова «Афродита», «Артемиды» характеризуют гармонию красоты и

гармонию мужественности. Эйдетическое содержание обеспечивается порядком слов в слове, что высвечивает их внутреннюю сущность, ударения и расположение ударных слогов, ответственные за энергетические проявления. Соответствующие им имена «Венера» и «Диана» гораздо беднее по этим характеристикам.

Онтологические основания и семантические аспекты имён в олонхо

Рассмотрим несколько имён из текста олонхо. Возьмем для предварительного рассмотрения два имени – «Старуха Ала Буурай» (Аан Дьаасын) и «Арсан Дуолай», а затем эти имена с основными эпитетами, обеспечивающими их продолжение. Так, владычица Нижнего мира:

Всей породе Аан Дарасы
Матерью древней была
Старуха Ала Буурай
По имени Аан Дьаасын,
Прославленная хотун-госпожа,
С деревянною колодкою на ногах
Появившаяся на свет [8, с. 10].

А также её муж:

Ставший корнем всех
Адъарайских племён,
Отцом подземных абаасы,
Нижнего мира тойон-властелин,
Родившийся в облезлой дохе,
С клыками торчащими, как остроги,
Луогайар Луо Хаан-великан
По имени Арсан Дуолай» [8, с. 10].

Арсан Дуолай – глава злых чудовищ Нижнего мира. Его имя происходит от *арсай* – «выставлять, скалить зубы» и *дуолай* (*дуолай*) – «большой ростом, громадный». Эти же имена с основными эпитетами можно представить так: «Старуха Ала Буурай, с деревянной колодкою на ногах появившаяся на свет» и «Родившийся в облезлой дохе, по имени Арсан Дуолай». Оба этих имени – это два эйдетических образа, причём образы с основными эпитетами несравненно глубже, они сразу формируют чёткие структуры в сознании, которые трудно заменить какими-нибудь другими. Следуя специфике олонхо, возьмём в качестве отправных эти развернутые имена, и весь последующий анализ будем ориентировать на них. Т. е. «семема», «этимон» и «синтагма» здесь последовательно выстраиваются друг за другом, формируя устойчивый эйдос, который естественным образом дополняется фонемой. Более того, уровни «синтагмы» и «фонемы» не могут существовать один без другого. Здесь имена предстают как сама сущность того, как онтологическая глубина, стоящая за ними.

«Пойема», характеризующая смысл слов в зависимости от способа их расположения в предложении, здесь также совершенно очевидна, поскольку связать эти слова между собой можно только приведённым выше образом. Любой другой вариант ослабляет воздействие слов, их глубинный смысл, который уже напрямую связан с «меоном» и «энергемой». Оба имени связаны с владыками Нижнего мира, который не имеет чётких очертаний так же, как и населяющие его *абаасы*. Когда *абаасы* выходят на поверхность, то внешне их ещё можно идентифицировать, но что скрывается под их личиной, что есть мир, в котором они живут – непроходимые топи, клубящиеся туманы, бездонные расщелины. Так что эти имена – границы рационального и иррационального, в которых остаётся недосказанность, тайна.

С другой стороны, основные имена олонхо появляются в тексте довольно часто, и каждый раз от них идёт определённая энергия. «Сущность имени открыта нам, во время самого анализа, в своих энергиях, и только в них» [6, с. 695]. Когда произносится имя «Арсан Дуолай», то где-то там в недрах Нижнего мира он злобно реагирует на него, напрягая свою злобу, свои животные инстинкты, и как бы откликается на это упоминание. По крайней мере и сказитель олонхо, и его слушатели чувствуют это. Также имя «Старуха Ала Буурай» запускает некий процесс осмысления стоящей за ним сущности, сопряжения её с миром эпоса и тем миром, в котором этот эпос был создан.

Рис. 1. Богатырь Уот Усутааки (худ. Э. С. Сивцев, В. С. Карамзин, И. Д. Корякин, 1973 г.).

Наименовать вещь, живое существо можно, только глубоко вникнув в его сущность. Здесь должно быть обоюдное понимание, неизбежное представление мысленного и чувственного диалога и с «Арсан Дуолаем», и с его «Старухой Ала Буурай». Говоря иными словами, если не встать на точку зрения мифологических оснований олонхо, не допустить элемента мысленного конструирования, то в глубинный смысл текста проникнуть невозможно. Если же встать на такую точку зрения, то имя становится активным, позволяет своим потенциям раскрыться в виде различных энергий. Оставляя в стороне религиозно-мистические воззрения и оставаясь в рамках строгих философских представлений (феноменологических, онтологических), выстроим цепочку феноменов сознания, в которые могут входить элементы фантазии и мысленного конструирования.

Знаковыми для характеристики схватки богатырей и всех сопутствующих ей бедствий являются духи войны Илбис Кыыса и Осол Уола:

Горячей крови прося,
Гоготала, визжала
Илбис Кыыса;
Кровавой добычи прося,
Выл, вопил
Осол Уола,
Клича гибель,
Клювом кривым клекоча [8, с. 309].

«Илбис» означает «кровожадность, склонность к кровопролитию, войне». «Илбис Кыыса – дочь Илбис Хаана, (дочь) войны, кровопролития; изображается в виде отвратительного трёх-горбого ворона с железным клювом. Богатыри боятся её и приносят ей в жертву останки побеждённого врага» [10, с. 268]. Когда борются богатыри, тут же появляются эти духи. Они чувствуют приближение подобной схватки и заранее летят к её месту. Илбис Кыыса и Осол Уола «вселяют в сражающихся раздор, разжигают страсти и пыл, чем устраняют возможность примирения.

Они помогают побеждающей стороне скорее завершить победу; помогают, вселяясь в виде огней в острия орудий войны, придавая им большую разительность и интенсивность» [11, с. 22].

Закованный в цепи в подземельях Нижнего мира богатырь айыы Кюн Дырибинэ, ожидающий, что Нюргун Боотур рано или поздно победит Уот Усутааки, успокаивает томящуюся рядом Туйаарыма Куо:

Может быть, в этот час
Булатным мечем
Брюхо распарывает ему –
Вот об этом
Илбис Кыыса,
Свирепая тетка моя,
Кружась над моей головой,
Пронзительно пела мне.
О том, что Нюргун Боотур,
Мерзлую тропу протоптав,
Настиг Уот Усутааки
И крепко его схватил
За шёлковую узду –
Об этом Осол Уола,
Воинственный дядя мой,
Над моей головою
Вопил, орал
Тридцать суток тому назад [8, с. 208].

В имени черно-лысого ворона «Илбис Кыыса» слышится приглушенные визг и вопль как дальние отголоски тяжелой и кровавой битвы. Имя «Осол Уола» настраивает на кружение хищных птиц над трупами и ландшафтами, исковерканными кровавой битвой, полями войны.

Или, когда начавших схватку в Среднем мире Нюргун Боотура и богатыря Верхнего мира Уот Усуму попросили удалиться в долину Онолутта:

Там для боя – большой простор...
В той долине – под вихревым
Склоном ураганных небес
Летает и воет ваш старший брат,
Играет Осол Уола...
Там неистовая Илбис Кыыса
Летает, визжа и вопя,
Беснуясь, катается по траве [8, с. 286].

Рассмотрим систему имён для девяти сыновей и восьми дочерей Юрюнг Айыы Тойона и его жены Аджынги Сиэр. «Старшего сына звали Чынгыс Хаан; следующего за ним – Джёсёгёй Айыы; третьего – Кытай Бахсыыла; четвертого, предсказателя судеб Среднего мира – Сээркээн Сэсэн; пятого сына, писаря, имевшего крупнейший архив – Усун Джурантаайы; шестого сына – Тюёна Монгол Тойон; седьмого сына, духа-хозяина темного леса – Баай Барыылаах; восьмого сына, родившегося недоношенным и имевшего бессмертный дух – Тойон Кулут; девятого – Итии Тогуу.

Дочерей звали: первую, ставшую старшей сестрой восьми айыысыт – Эйэн Иэйэхсит Хаан Айыысыт; вторую, духа-хозяйку земли – Манган Мангхалыын; третью – Уот Кындыалана; четвертую – Сэбигирэй Манган; пятую – Юрюнг Молчой; шестую – Кус Хангыл; седьмую – Эттэ Эппитинэн Этэрикээн; восьмую... Хаачылаан Куо» [12, с. 16].

Если провести анализ фонем этих имён даже не вникая в их смысл, то созвучия их структур создают замкнутую устойчивую систему. Звучание имён, завораживает, создаёт различные ряды (семантические, фонетические, ритмокаскады и т. п.), которые продолжают естественным образом. Семема открывает еще более широкие возможности для их анализа, поскольку имена начинают приоткрывать свой смысл и в большинстве случаев их звучание совпадает с сущностью и предназначением имени.

Наборы других эпических имён можно проанализировать аналогичным образом. *Чынгыс Хаан* – божество судьбы (*чынгыс* (*чынгыс*) – жёсткий, жестокий, непреклонный, неумолимый); *Джэсёгёй Айыы* (*Уордаах Джэсёгёй*) – божество лошадей; *Кыдай Бахсыыла* (*Кытай, Кыыдай*) – мифический кузнец, покровитель кузнечного дела, иногда их несколько братьев; *Сээркээн Сэсэн* – мифический провидец, дающий советы богатырям (*сэсэн* (*сэһэн*) – рассказ); *Усун Джурантаайы* – мифический писарь, отмечавший в книгах судьбы людей (*усун* (*уһун*) – длинный); *Тюёнэ Монгол Тойон* – родоначальник айыы (*могол* (*моһол*) – большой, великий, солидный); *Баай Барыылаах* – дух-хозяин леса (тайги); *Тойон Кулут* – господин-раб (*кулут* – раб); *Итии Тогуу* (*итии* – жаркий, горячий).

Эйэн (*Эйээн*) *Иэйэхсит Хаан Айыысыт* – богиня-покровительница людей и скота; *Манган Манхалыын* – дух-хозяйка земли; *Уот Кындыалана* (*кындыалана* – ретивый недотрога); *Сэбигирэй Манган, Юрюнг Молчой; Кус Хангыл* – родоначальница племени *ураангхай саха*, людей Среднего мира (*кус* – утка); *Эттэ Эппитинэн Этэрикээн* – смысловой перевод: исполняющая данное слово; *Хаачылаан Куо* – женщина айыы.

Ситуация со смыслами и со значениями имён становится более понятной. Введем третий уровень рассмотрения – отдельные, наиболее важные характеристики этих сыновей и дочерей.

«Второй сын, Джэсёгёй Айыы, по указанию отца поселился на границе неба и земли, у трёх берез... Для сына Кытай Бахсыылы отец выбрал место, где он должен был жить... на границе Среднего и Нижнего мира, и определил его быть великим кузнецом для племён трёх миров...» [12, с. 17]. Сээркээн Сэсэн «живет на северном мысе моря Нудулу Уот, среди густого леса, домом ему служит сваленное бурей дуплистое дерево... Тойон Кулута по велению отца заковали в кандалы, посадили в крутящийся железный амбар, висящий в пространстве независимо от земли и неба, закрыли тремя железными дверьми и повесили огромный замок... Тюёнэ Монгол с Кус Хангыл по указанию Юрюнг Айыы Тойона отправились в благословенный Средний мир и нашли там уже приготовленные для них всевышними богами скот, лошадей и крепкий дом. И они стали жить-поживать счастливо и сыто» [12, с. 17].

Если ограничиться только именами и больше ничего в олонхо не рассматривать, то даже после такого анализа можно почувствовать дух олонхо, увидеть поле для развития самых разных сюжетов и фабул. Имена обеспечивают важнейшую идентификацию олонхо, один из фундаментальных его каркасов. Они дают представления о сущности основных персонажей героического эпоса, наиболее важных характеристик главных героев.

Три уровня исследования имён задают матрицу значительной части остальных действий эпического повествования.

Именно слово в первую очередь «помимо того, что придаёт нашим чувствам форму, приносит в сознание и нечто иное, навевая это иное как бы из самого себя. Различаются слово *внешнее*, состоящее из звуков, грамматически оформленное, и слово *внутреннее*, которое откликается на него изнутри сознания, “навивая нечто иное” из памяти человека обо всём, им пережитом, узнанном и усвоенном» [13, с. 30].

Известный американский постмодернист Р. Рорти считает, что познавательный интерес современных западных интеллектуалов в настоящее время всё более переносится с философии на литературу. «На место философии как своеобразного синтеза гносеологии, оснований культуры (“идеологии”) и “строгой науки”, должно быть поставлено, по Р. Рорти, всестороннее, индифферентное к дисциплинарным и мировоззренческим делениям исследование индивидуальности и социума. Цементирует это знание лишь идея «вездесущности языка» как всеобъемлющей формы человеческого опыта, а также понятие о человеке как творческом (т. е. создающем, а не открывающем истины) существе, реализующем себя в языке и самотворящимся как своеобразный “текст”. Сущность подлинно гуманитарного мышления должна, вследствие этого, совпадать с сущностью не философии, а “литературной критики»» [14, с. 681].

«Полное имя богатыря сложное. Прежде всего, оно подчёркивает святость и избранность родины героя, которую облюбовали богини для своих прогулок. Неотъемлемой частью имени героя олонхо является название коня...: “говорящий [человеческим языком] черный жеребёнок конь”... Краткое имя героя олонхо обычно бывает двучленным: Нюргун Боотур, Мюльджю Бёгё, Дыырай бухатыыр, Дыырай Бэргэн и т. д. Если вторая часть имени характеризует героя

как богатыря, то первая определяет характер героя» [15, с. 28-29]. *Бэргэн* означает «меткий», *Нюргун* значит «отборный, первый» (т. е. «первый богатырь»), *Мюльдэю* – труднопереводимое слово, близкое к значению «скользкий, увертливый», а *Дыырай* значит «длинноногий» [15, с. 29].

В олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» подчёркивается, что боги дарят имена людям. Так, когда у прародителей племён *айыы* Саха Саарын Тойона и Сабыйа Баай Хотун родились дети, то Айыысыт в своём благословении нарекает детей именами:

Вашему сыну-богатырю
Я такое имя дарю:
Владеющий Сero-стальным конём
Кюн Дьырибинэ Бухатыыр –
Пусть отныне зовётся он.
Имя вашей дочери я дарю:
С блистающе ясным лицом
Прекрасная Туйаарыма Куо –
Пусть отныне зовется она! [8, с. 30]

В олонхо и в якутской мифологии человеческие слова имеют своих духов (*тыл иччитэ*). «Сказанное слово превращается в вещую птичку, летит по назначению и пересказывает первоначальное слово» [11, с. 45]. С этой точки зрения, оскорбления перед битвой должны запугать, ослабить противника, потому что в них затрагивается его самая сокровенная сущность и, прозвав эту сущность, богатырь наносит первый, пока ещё словесный удар по врагу.

Нюргун Боотур так начинает свою перепалку с Уот Усутаакы:

Ах, обманщик,
Ах, невидимка ты!
Чёрная харя,
Кровавая пасть,
Ну-ка, я погляжу на тебя,
На глиняную морду твою,
На кривые колени твои! [8, с. 194].

И дальше богатырь продолжает:

Эй ты, крадущийся по ночам
На кривых косматых ступнях,
Выходец из подземной тьмы!
Ты хитёр на всякий обман,
Выродок адьарайских бездн [8, с. 194].

Иногда Нюргун Боотур обращается за помощью к обитателям Верхнего мира, чаще всего к своей старшей сестре Айыы Умсуур Удаган:

В трясину подземную брошусь я,
В тину огненную окунусь,
В бездну чёрную погружусь,
Откуда не возвращался никто...
Покровительница моя,
Айыы Умсуур Удаган
На помощь мне явись!
Брось мне волшебную плетъ
О восьми хвостах,
Чтобы восемь её хвостов
Превратились в восемь мечей,
Чтоб ударом одним
На восемь частей
Сумел я рассечь
Аркан Ап-Чарай,
Чтобы в крошево его превратил!
В подвиге меня поддержи,
В полёте силу пошли! [8, с. 381-382]

В ответ на такие обращения, как правило, бывает не слово, а действие, осуществляемое вестником: птицей, шестью белыми удаганками-сёстрами и т. п.

Заключение

В настоящей работе исследован подход, связанный непосредственно с философией имени. Однако, опираясь на философские исследования имени, были созданы феноменологические концепции и теории символа (Вяч. Ивановым, А. Белым, О. Э. Мандельштамом) как особого типа мышления, т. е. очерченная выше проблема является гораздо более широкой и глубокой.

Исследования философии имени в олонхо позволяют утверждать, что имя имеет глубокий онтологический смысл, тесно связано с сущностью героя и персонажа и их бытием. Например, полное имя богатыря или его коня содержат достаточно полные их сущностные характеристики. Не менее важный смысл имеют ряды и системы имён, которые формируют устойчивые инварианты олонхо, обеспечивают его фундаментальную идентификацию.

В целом совокупность имён олонхо обеспечивает представление о бытии определенной эпохи, его социальных и гуманитарных характеристиках.

Литература

1. Русская философия. Словарь. – М.: Республика, 1995. – 655 с.
2. Лосев А. Ф. Философия имени. – М.: Академический проект, 2009. – 300 с.
3. Булгаков С. Н. Философия имени. – СПб.: Наука, 1998. – 446 с.
4. Лосев А. Ф. Миф-Число-Сущность. – М.: Мысль, 1994. – 919 с.
5. Флоренский П. А. Имена. – М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2003. – 330 с.
6. Лосев А. Ф. Бытие. Имя. Космос. – М.: Мысль, 1993. – 958 с.
7. Лотман Ю. М. Семiosфера. – СПб.: Искусство-СПб, 2000. – 704 с.
8. Нюргун Боотур Стремительный. Якутский героический эпос олонхо / Воссоздал на основе народных сказаний Платон Ойунский; пер. на русский язык В. В. Державина. – Якутск: Якут. кн. изд-во, 1975. – 429 с.
9. Данцев А. А. А. Ф. Лосев. – М.: ИКЦ «МарТ», 2005. – 112 с.
10. Новиков В. М. – Кюннюк Урастырап. Могучий Дьягарыма. – М.: Современник, 1990. – 270 с.
11. Кулаковский А. Е. Научные труды. – Якутск: Якут. кн. изд-во, 1979. – 484 с.
12. Емельянов Н. В. Сюжеты якутских олонхо. – М.: Наука, 1980. – 376 с.
13. Кнабе Г. С. Семиотика культуры. – М.: Рос. гос. гуманитарный ун-т, 2005. – 63 с.
14. Постмодернизм. Энциклопедия. – Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. – 1040 с.
15. Емельянов Н. В. Сюжеты ранних типов якутских олонхо. – М.: Наука, 1983. – 247 с.

References

1. *Russkaya filosofiya. Slovar'* [Russian philosophy. Dictionary]. Moscow, Respublika, 1995, 655 p.
2. Losev A. F. *Filosofiya imeni* [Name philosophy]. Moscow, Akademicheskij projekt, 2009, 300 p.
3. Bulgakov S. N. *Filosofiya imeni* [Name philosophy]. Saint Petersburg, Nauka, 1998, 446 p.
4. Losev A. F. *Mif-chislo-sushhnost'* [Myth-Number-Essence]. Moscow, Mysl', 1994, 919 p.
5. Florenskij P. A. *Imena* [Names]. Moscow, Ast, Har'kov, Folio, 2003, 330 p.
6. Losev A. F. *Bytie. Imya. Kosmos* [Existence. Name. Space]. Moscow, Mysl', 1993, 958 p.
7. Lotman Yu. M. *Semiosfera* [Semiosphere]. Saint Petersburg, Iskustvo-SPb, 2000, 704 p.
8. *Nyurgun Bootur Stremitel'nyj. Yakutskij geroicheskij epos olonho* [Nurgun Bootur the Swift. Yakut heroic epic]. Vossozдал na osnove narodnyh skazaniy Platon Ojunskij. Per. na russkij yazyk V. V. Derzhavina. Yakutsk, Yakutskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1975, 429 p.
9. Dancev A. A. A. F. *Losev* [A. F. Losev]. Moscow, IKC "Mart", 2005, 112 p.
10. Novikov V. M. – Kyunnyuk Urastyrap. *Moguchij Djagaryma* [Mighty Dzhagaryma]. Moscow, Sovremennik, 1990, 270 p.
11. Kulakovskij A. E. *Nauchnye trudy* [Academic works]. Yakutsk, Yakutskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1979, 484 p.
12. Emelyanov N. V. *Syuzhety yakutskih olonho* [Plots of Yakut olonkho]. Moscow, Nauka, 1980, 376 p.
13. Knabe G. S. *Semiotika kul'tury* [Semiotics of culture]. Moscow, Ros. gos. humanitarnyj un-t, 2005, 63 p.
14. *Postmodernizm. Enciklopediya* [Postmodernism. Encyclopedia]. Minsk, Interpresservis, Knizhnyj dom, 2001, 1040 p.
15. Emelyanov N. V. *Syuzhety rannih tipov yakutskih olonho* [Plots of early types of Yakut olonkho]. Moscow, Nauka, 1983, 247 p.